Доклад митрополита Волоколамского Илариона на богословском факультете Уппсальского университета

14 мая 2014 года председатель Отдела внешних церковных связей, председатель Синодальной Библейско-богословской комиссии, ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры митрополит Волоколамский Иларион ***прочел лекцию*** *на богословском факультете Уппсальского университета (Швеция).*

Мыслить свободно - большое дело,
но еще важнее - мыслить правильно.

Томас Торильд

Словами знаменитого шведского поэта и философа я хотел бы начать этот доклад, в названии которого два сложных понятия представлены в виде антитезы.

Сегодня мы вынуждены отделять церковное Предание от научного богословия. Прежде чем сопоставлять и сравнивать эти две неравнозначные сферы, необходимо заметить, что такое положение вещей не было изначально заложено в богословском опыте христианства. Более того, противопоставление Предания и богословской, академической науки, каким оно представляется нам сегодня, есть явление печальное и ошибочное. Непредвзятое изучение причин этого вынужденного противопоставления позволяет нам надеяться на то, что у богословской науки будущего есть шанс пойти по пути снятия накопившихся противоречий.

В рамках настоящего доклада я постараюсь изложить три темы.

Первое, о чем важно сказать, - это конфликт двух мировоззренческих позиций, одна из которых определяется Преданием Церкви, другая - научным богословием. Такой конфликт имеет место и на Западе, и в России, где до сих пор мировоззрение многих людей основывается на Предании Церкви. Эти люди нередко отвергают выводы современного научного богословия, считая их неприемлемыми и ошибочными. В свою очередь, носители академического, научно-богословского знания часто отрицают важнейшие положения Священного Предания. Представление о необязательности Предания как такового, «демифологизация» христианства, разного рода сомнения в подлинности источников, на которых строится богословие Церкви, - все это входит в противоречие с церковным Преданием, а у носителей Предания подрывает доверие к научному богословию и исследовательской работе. Возникшая пропасть между духовным опытом и академическим знанием представляется столь глубокой потому, что речь идет именно о принципиально разных мировоззренческих позициях.

Вторая часть доклада будет посвящена изложению понятия о Священном Предании Церкви. Здесь я хотел бы сказать о том, что православное богословие рассматривает как живой источник, постоянно действующую первооснову Предания, а именно о литургической жизни Церкви и молитвенном опыте христианина. В контексте этого литургического опыта будет представлена попытка сформулировать понятие «богословия», точнее, напомнить о том, как осознавало и осознает данное понятие живое Предание Церкви.

Третья, заключительная часть доклада посвящена академическому богословию. Вопрос о взаимоотношении Предания и современных научных методов будет представлен не в контексте хорошо известной дилеммы «Афины или Иерусалим», противопоставляющей выводы науки Преданию Церкви. Имеет смысл исследовать не столько то, чем сегодня является академическая наука, сколько то, какой она должна бы быть или могла бы быть. В конце концов, это поможет с большей ясностью обозначить пути, по которым, я надеюсь, научное богословие будет развиваться в XXI веке.

§ 1. Божественное Откровение как мировоззрение.

Мир Священного Предания Церкви – это, прежде всего, уникальное и универсальное мировоззрение. В истории европейской цивилизации оно пришло на смену мифологической и философской космологии эллинистической эпохи. Хронологически этот переход совпадает с периодом христианских апологетов и завершается созданием христианской цивилизации, вошедшей в историю под именем «Византии».

Многовековая история Восточной Римской империи – это время, когда мировоззрение, основанное на Предании Церкви, было господствующим, никакой серьезной конфронтации с наукой и научным богословием не было. Ярким примером синтеза Предания и науки является творчество святителя Василия Великого, сочетавшего абсолютную приверженность Церкви и ее Преданию с утонченной эллинистической образованностью. Будучи иерархом Церкви, он получил прекрасное по тем временам образование в Афинской Академии. В своих проповедях и научно-богословских трактатах он раскрывал различные стороны церковного Предания, при этом нередко апеллируя к античной учености. Помимо целого ряда фундаментальных трактатов на богословские, экзегетические и нравственные темы, святителю Василию приписывают создание литургии, которая до сих пор совершается в Православной Церкви в особо торжественные дни. Анафора этой литургии представляет собой свод всех основополагающих догматов Церкви, изложенных четко и последовательно, как в Символе веры, и преломленных через литургический опыт Церкви.

Другим подобным примером является Иоанн Дамаскин – выдающийся богослов и гимнограф – идеальный образ православного учёного. Как и Василий Великий, он создавал не только богословские произведения, но и богослужебные гимны, которые до сих пор составляют основу суточного круга в Православной Церкви.

Носителями какого мировоззрения были эти Отцы Церкви? Наглядным ответом представляется картина, запечатленная толковании святителя Василия Великого на Шестоднев. Здесь представлен гармоничный мир как творение Божие. Цельная и глубокая антропология интегрально связна с учением о космосе. Аналогичную картину мира мы находим и у святого Иоанна Дамаскина в его трактате «Точное изложение православной веры»: здесь тоже говорится о гармоничной вселенной как творении Божием и о человеке как интегральной части вселенной, венце творения.

Сотворённый Богом мир и человек в представлении Отцов Церкви неразрывно всей своей судьбой связаны с Богом и с Божественным Промыслом. Об этом же говорится и в православном богослужении: молитвы и песнопения, составленные Отцами Церкви, несут на себе отпечаток того же мировосприятия. Слова и образы, в которых запечатлелось это мировосприятие, приходят из книг Ветхого Завета, в частности из псалмов, и конечно, из Нового Завета, воплощаясь в чеканные формулировки таких литургических текстов, как Никейский Символ веры и анафора Василия Великого. Богословский комментарий к Символу веры – это, по сути дела, начало той науки, которую мы сегодня называем «систематическим» или «догматическим богословием».

Кратко святоотеческую или литургическую картину мира можно было бы описать так. Сущий над всеми Бог, создавший материю из ничего, актом Своей Божественной воли приводит материю из состояние хаоса (беспорядка) в состояние космоса (порядка, красоты). Божественный порядок через таинственный мир ангельских чинов распространяется на мир материальный. Божественная благодать через небесную иерархию и через священную иерархию Церкви в единой Литургии славословия действует во вселенной как связующий и структурирующий принцип. Из этой стихии порядка и источника становления проистекают модели упорядоченного устройства общества. Так обусловлено возникновение государственных образований и целых цивилизаций.

Демоны, «духи злобы поднебесной», вкупе с людьми, находящимися под влиянием этих духов, до определенного времени сопротивляются Божественному порядку. Направленное против Бога и Его порядка, действо дьявольское сеет хаос, анархию, грех и смерть. Но к людям приходит Спаситель, Сын Божий, Бог, ставший человеком, Который Своим страданием и смертью искупает человека от власти диавола, Своей смертью попирает смерть и открывает всему человечеству путь ко спасению.

Именно такое восприятие истории – как единого неразрывно развертывающегося процесса, двигателем которого является Бог, – лежит в основе литургических текстов, таких как анафора святителя Василия Великого. С текстом анафоры перекликается, местами почти дословно, следующий текст, принадлежащий перу святителя:

Бог сотворил человека по образу и подобию Божию, удостоив знания о Себе, украсив перед всеми животными даром слова, дав ему наслаждаться безмерными красотами рая, поставив его князем над всем, что на земле. И после того, как он, будучи обольщен змием, ниспал в грех, а через грех в смерть и во все, что достойно смерти, не презрел его, но сперва дал ему в помощь закон, для сохранения его и попечения о нем приставил ангелов, для обличения порока и научения добродетели, посылая пророков, порочные стремления пресекал угрозами, усердие к добрым делам возбуждал обетованиями.

Неоднократно на разных лицах для вразумления прочих показывал конец порока и от тех, которые при всех таковых пособиях, пребывали в непокорности, не отвратился, потому что не были мы оставлены благостью Владыки и не прерывали любви Его к нам… но воззваны от смерти и снова оживотворены Иисусом Христом, у Которого и сам способ благодеяния еще более удивителен.

Ибо, будучи образом Божиим, Он не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба (Флп. 2:6–7), воспринял на Себя наши немощи, понес болезни, был язвлен за нас, чтобы мы Его язвой исцелились (Ис. 53:5), искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвой (Гал. 3:13), претерпел позорнейшую смерть, чтобы нас возвести к славной жизни, и не удовольствовался тем одним, что оживил нас, мертвых, но еще даровал нам достоинство божества, вечные упокоения…

Описанная картина мира основывается не на книжном знании. Это мировоззрение возникает в сердцах людей, вставших на путь веры и живущих литургической жизнью Церкви. Оно совершенно свободно от какой бы то ни было антинаучности, если конечно не считать антинаучным само представление о том, что Бог существует и что Он является Творцом мира. Ценность этого мировоззрения заключается в том, что оно дает не фрагментарное, а целостное знание о Боге, мире и о месте человека в этом мире, о смысле его бытия.

Отмечу, что в классическом византийском христианском богословии мы не находим никаких мифологических, воспринимаемых ныне как карикатурные, изображений мира – например, как перевернутой сферы, стоящей на гигантской черепахе или трёх китах. Эти образы имеют

совершенно иное происхождение, хотя многие современные учёные вроде Стивена Хокинга ссылаются на подобные мифы как на пример «отсталости» Церкви .

Книги Василия Великого и других Святых Отцов изучались в школах Византии, в том числе в университете Константинополя, где получали образование будущие государственные деятели империи, военачальники и церковные иерархи. Конечно, и в Византии были свои вольнодумцы, как Иоанн Итал, были и целые еретические движения, но методологического и принципиального противоречия между богословской наукой и христианским мировоззрением не было.

Это противоречие возникло уже в новую эпоху и связано оно было прежде всего с отрывом богословской науки от предания Церкви, питавшего ее своими живительными соками. Как отсеченная от ствола ветвь, богословская наука, особенно в протестантской среде, начала жить своей жизнью. Отказ от представления о Предании Церкви как нормативе, на котором должна строиться вся христианская жизнь, стал движущей силой развития протестантизма, провозгласившего весьма спорный и зыбкий принцип «Sola Scriptura» (только Писание) в качестве критерия богословской истины. Но Писание невозможно понять вне Предания, и отказ от Предания почти автоматически ведет к произвольным толкованиям Писания. В своем предельном выражении он ведет к так называемой «демифологизации» христианства, когда уже и Писание перестает быть авторитетом, а главным критерием истины каждый ученый считает свое собственное мнение.

Глубокий духовный кризис, в котором оказался протестантизм в новую эпоху, самым серьезным образом повлиял на методологию науки вообще и богословской науки в частности. В качестве иллюстрации этого духовного кризиса можно привести цитату из статьи Рудольфа Бультмана Новый Завет и мифология:

В результате развития науки и техники человек овладел миром и опытным знанием о мире в такой степени, что никто уже не в состоянии всерьёз держаться и не держится за новозаветную картину мира. Что значит сегодня исповедовать «нисшедшего в ад» или «восшедшего на небеса», если исповедующий не разделяет лежащую в основе этих формулировок мифическую картину трехэтажного мира .

Православное богословие осталось совершенно свободным от кризиса, столь ярко выразившегося в богословии Бультмана. Для православного богословия нет никакого противоречия в том, чтобы не разделять картину трехэтажного мира, не исповедовать представление о том, что земля покоится на трех китах, но при этом верить в то, что Христос сходил во ад и что Он восшел на небеса.

Эта вера, проистекающая из отвергнутой Бультманом и им подобными новозаветной картины мира, в полной мере отражена и в богослужении Православной Церкви, где сошествию Христа во ад посвящен один из главных литургических дней года – Великая суббота. В богослужении этого дня сошествие Христа во ад трактуется как одно из важнейших событий той истории спасения, которая началась с сотворения мира и человека и продолжилась в воплощении Сына Божия. Ощущая себя частью этой истории, миллионы православных верующих по всему миру исповедуют Христа, пришедшего во плоти, не видя в этом никакого противоречия с тем прогрессом науки и техники, который лежит в совершенно иной плоскости и не затрагивает основы веры.

Глубоко убежден в том, что между догматами христианской веры и научным мировоззрением нет никакого принципиального противоречия. Нет его и между учением Церкви и академическим богословием, что доказала двухтысячелетняя история православного богословия. Мировоззренческий конфликт, возникший в новое время между новозаветной картиной мира,

отраженной в Предании Церкви, и отдельными представителями академической науки, появился в результате личного духовного кризиса этих богословов, вообразивших, что их собственного разума вкупе с пресловутыми «достижениями науки и техники» достаточно для того, чтобы развенчать то мировоззрение, которое двигало развитием богословской науки в лоне Церкви и в русле церковного Предания.

Находясь в стенах Уппсальского университета, не могу не сказать и о том, как связь между Преданием Церкви и богословской наукой влияет на развитие собственно церковной жизни. Ни для кого не секрет, что несколько лет назад Русская Православная Церковь приняла непростое решение приостановить все контакты с Церковью Швеции. Причиной послужило введение в Церкви Швеции ритуала благословения так называемых «однополых браков». Для нас это решение стало той чертой, за которой диалог теряет смысл, ибо мы воспринимаем его как сознательный отказ от того нравственного норматива, который очень четко и недвусмысленно отражен не только в Предании Церкви, но и в самом Священном Писании.

В свое время идеологи протестантизма объявили Писание единственным критерием церковной истины. Но многие современные протестанты, особенно на Западе и Севере, считают вполне допустимым пересматривать нормы, содержащиеся в Писании, в угоду либеральным стандартам и правилам политкорректности. В области нравственности тоже есть свои «достижения науки и техники»: если ставить их выше учения Христа и апостолов, тогда приходится корректировать не только Предание, но и само Священное Писание.

Хотел бы прямо сказать: с нашей точки зрения, Церковь, которая отказывается от Предания, а Писание принимает лишь выборочно, перестает быть Церковью. Это уже не община последователей Христа, а группа лиц, симпатизирующих лишь некоторым аспектам христианского мировоззрения – тем, которые не противоречат современным либеральным нормам. А богословие, которое обслуживает интересы этой группы лиц, перестает быть церковным богословием. Становясь на зыбкую почву личных пристрастий тех или иных авторов, скованное путами идеологем и предрассудков, такое псевдо-богословие нежизнеспособно и, с точки зрения Церкви, лишено всякой легитимности.

Вспоминаю, как еще 20 лет назад, работая в Оксфорде над докторской диссертацией, я наткнулся в библиотеке на целую секцию книг под общей рубрикой «Gay and lesbian theology». В одной из книг этой рубрики автор рассказывал о том, как он долго стыдился своей сексуальной ориентации, но когда наконец он ее «принял», он сумел по-новому взглянуть не только на церковную жизнь, но и на Евангелие. В частности, он понял, почему Иисус посылал своих учеников проповедовать не по одному, а по двое... Кажется, комментарии здесь излишни.

Не сомневаюсь в том, что за прошедшие 20 лет секция «Gay and lesbian theology» в библиотеке богословского факультета Оксфордского университета пополнилась многими новыми «исследованиями», содержащими подобного рода «открытия». Не сомневаюсь в том, что и на полках библиотеки Уппсальского университета аналогичная литература представлена в изобилии. Однако, будучи православным христианином, глубоко убежден в том, что подобного рода богословие с точки зрения науки имеет нулевую ценность, а в нравственном отношении может быть однозначно оценено лишь со знаком минус.

Православная Церковь и поныне остается верной духу и букве Священного Писания, которое она трактуется в русле церковного Предания. Мы не видим никакой необходимости и даже возможности в том, чтобы создавать богословие, которое бы обслуживало нужды лиц, чьи взгляды на христианское мировоззрение и христианскую нравственность не соответствуют учению Церкви. Таких людей Церковь не отвергает, она с ними пастырски работает. Но церковное

богословие продолжает оставаться тем же чистым и незамутненным источником, каким оно было на протяжении двух тысяч лет. Оно развивается, но при этом сохраняет абсолютную и беспрекословную верность учению Христа и Его апостолов, зафиксированному в церковном Предании.

§ 2. Предание Церкви как литургический опыт.

В православном сознании Священное Предание понимается не как совокупность текстов, принадлежащих авторитетным авторам, не как библиотека, а как храм с совершающемся в нем богослужением. Сам по себе этот феномен содержит ответы на многое вопросы, которые задаёт современная академическая наука. Церковная служба не повествует о структуре сотворённой Богом вселенной. Богослужение посредством древних образов, метафор и аллегорий сообщает молящемуся истины Божественного Откровения, говорит о духовных состояниях души и научает богообщению.

Человек, не принимающий «новозаветную картину мира», попросту выпадает из этого живого потока Божественного Откровения, перестаёт быть носителем Предания Церкви. Иными словами, он лишает себя опыта литургической жизни, духовного опыта веры. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и «богословская наука» в руках таких людей будет носить отпечаток непричастности к Преданию Церкви, потери апостольской веры. Их научные поиски имеют, может быть, некоторую ценность для них самих и для узкого круга им подобных, но не имеет никакой ценности для Церкви. Вот почему их сочинения издаются маленькими тиражами и читаются небольшой группой специалистов, тогда как творения Отцов Церкви, по крайней мере в православных странах, продолжают пользоваться огромной популярностью и вызывать интерес у простых верующих, причастных к тому опыту, который отражен в этих творениях.

Причастность к живому молитвенному опыту Церкви прекрасно выразил блаженный Августин:

Боже, Который не восхотел, чтобы истину знал кто-либо, кроме чистых... Тебя призывают, Бог-Истина, в Котором, от Которого и через Которого истинно всё, что истинно. Бог-Мудрость... в Котором мудрствует всё .

И человек, эта малейшая часть создания Твоего... дерзает воспеть Тебе хвалу .

Вне литургической жизни, вне того уникального опыта богообщения, который возможен только в Церкви и осуществляется через участие в богослужении и таинствах, человек неспособен постигать истины Божественного Откровения. Книги Священного Писания превращаются для него просто в тексты, и исследователям, как им кажется, ничего не остаётся, кроме критической обработки памятников древней письменности. Этим и объясняются причины, по которым для некоторых представителей научного мира книги Библии превратились в сложнейшее нагромождение вставок, редакций и интерполяций.

Говоря о литургическом опыте как необходимом условии научно-исследовательской работы, следует особенно выделить вопрос о том, что же такое богословие. Мы привыкли за последние несколько столетий под богословием понимать любую науку, занимающуюся религиозными текстами.

Однако в пространстве Предания Церкви, в литургических текстах богослужения богословие обозначает уникальное явление человеческой природы. Титул «Богослова» Православная Церковь усвоила только трем святым: Апостолу и Евангелисту Иоанну, Григорию Назианзину и Симеону Новому Богослову. В своих беседах на четвертое евангелие святитель Иоанн Златоуст

пишет о том, что любимый ученик Господа владел особенным, редчайшим дарованием Святого Духа. Благодаря этому дару он говорил «...из глубины Духа, из тех тайн, которых даже и ангелы не знали прежде, нежели они совершились. И ангелы вместе с нами через глас Иоанна и через нас научились тому, что мы познали... [ангелы] познали это через Церковь» .

Предание Церкви – это опыт богоообщения святых. По мысли Златоуста, этот опыт является источником познания Божиих тайн даже для ангельских чинов. В чеканной формуле Евагрия Понтийского связь между богословием и опытом богообщения выражена с предельной четкостью: «Богослов – это тот, кто молится. Если ты умеешь истинно молиться, то ты богослов» .

§ 3. Богословская наука и её идеальная модель.

Нет необходимости подробно говорить о том, что богословская наука наших факультетов не может в полной мере быть тем, о чем говорят святой Иоанн Златоуст или блаженный Августин. Но она может и должна быть ориентирована на Предание Церкви как минимум в двух своих направлениях.

Во-первых, это касается богословского образования. К сожалению, с каждым десятилетием университетские программы сокращают курсы, посвященные изучению святоотеческого и литургического наследия Древней Церкви. В результате богословские факультеты выпускают магистров богословия, которые изучили древние языки и разбираются в теориях библейской критики, но при этом не имеют должного представления о святоотеческой экзегетике, не читали «Пять слов о богословии» святого Григория Назианзена и ничего не знают о текстах Триоди постной или о Добротолюбии.

Во-вторых, современная богословская академическая наука должна вернуться к выполнению тех задач, ради которых она создавалась такими интеллектуалами древности, как Ориген, Климент Александрийский и другие. Идеальные задачи богословской науки следует видеть в работе по сохранению текстов, которые мы относим к сокровищнице Божественного Откровения. Вместо «критики», «демифологизации» или «десакрализации» Священного Писания следовало бы вернуться на путь его благоговейного и вдумчивого изучения, переводческой деятельности и академического комментирования, лишенного идеологических предпосылок.

Сегодня Русская Церковь приступила к большому и важному проекту – подготовке новых учебных пособий по всем основным богословским дисциплинам, изучаемым на бакалавриате: таких пособий, которые стали бы нормативными для наших духовных семинарий. Перед авторами учебников мы ставим следующую задачу: оставаться полностью в русле Предания Церкви, но при этом учитывать все основные достижения современной, в том числе и западной, богословской науки. Задача эта можно показаться очень непростой, но я уверен в том, что она не невыполнима.

В качестве примера приведу задуманный нами курс учебных пособий по библеистике. Их должно быть девять: пять по Ветхому Завету и четыре по Новому. Каждое учебное пособие должно говорить о библейских текстах, но при их толковании должны приниматься во внимание как православная традиция, отраженная в святоотеческой и литургической экзегетике, так и данные современной библейской критики. Во многих случаях, как оказывается, между Преданием Церкви и библейской критикой нет непреодолимых расхождений: наоборот, эти два пласта нередко дополняют друг друга, делая для студента изучение священных текстов увлекательным занятием, способствуя развитию у него стереоскопического видения, комплексного подхода к библейским источникам. Нередко данные библейской критики лишь подтверждают то, что содержится в святоотеческой экзегетике.

Таким путем мы хотим идти и в таком русле развивать нашу богословскую науку. Очевидно, что нам не по пути с теми, для кого богословие – лишь средство для оправдания своих идеологических посылок, радикально расходящихся с учением Христа и Преданием Церкви. С такими богословами мы готовы вести диалог, но только до определенной черты, за которой такой диалог становится бессмысленным и контрпродуктивным.

Современное положение дел в богословской науке можно было бы сравнить со старинным садом, который пострадал от бури. Ветви деревьев сломаны, сад приносит мало плодов. Можно всё с корнем выкорчевать, сжечь и засеять землю новыми культурами «генетически модифицированного» богословия, получив в качестве урожая бурьян и чертополох... А можно уподобиться заботливому вертоградарю и бережно восстанавливать порушенные ветром кроны деревьев. И тогда сад снова начнёт плодоносить.

Путь, по которому будет развиваться богословская наука наших высших учебных заведений, целиком зависит от того, какое личное отношение носители академического знания выработают ко всему тому, что Церковь обозначила как Священное Предание.

Источник: https://mospat.ru/ru/news/51501/